

Самангани

Язигурд Куи

1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

21 НОЯ 1985

-АФГАНСКИЙ РЕПОРТАЖ-

СОКРОВИЩА ХОЛЩЕВОГО МЕШКА

Человек этот сразу обращает на себя внимание неистовым блеском живых глаз, незаурядностью тонкого восточного лица с сухой, почти без единой морщинки кожей. Пожатие узкой, показавшейся на первый взгляд немощной руки оказалось крепким и энергичным. Он светился доброжелательством, сохранил в непривычной для него обстановке Союза деятелей искусств Афганистана достоинство и уверенность в себе. От него исходил какой-то внутренний свет. Так ведут себя люди, знающие себе цену, прожившие долгую и трудную жизнь, выполнившие свое предназначение на земле.

— Язигурд Куи Самангани — крестьянин из Самангана, — представился он тихим старческим голосом и встал с кресла. Его голова в белой чалме склонилась в поклоне. Он и в кресле сидел так, как на троне, будто никогда в жизни ни на чем другом и не сживал. Появился он в союзе прямо с дороги, не заботясь о том, где станет ночевать. Торопился.

Куда бы вы ни пришли, афганцы, оказывая гостеприимство, тут же приносят скромное угощение. Горячий чай, печенье, мелкие кусочки сахара. Язигурд Куи Самангани, не торопясь, мелкими глотками, выпил чашку чая, съел одно печенье, размочив его предвительно в блюде. Он не суетился, не волновался и не давал советов,

когда в выставочном зале союзов стали развешивать его работы.

Очень долго, с риском для жизни, вначале на попутных машинах, потом на автобусе, добирался он до Кабула. У него ничего не было с собой, кроме обычного холщового мешка, в каких крестьяне возят из деревни зерно или овощи для продажи на базаре. В нем было упаковано несколько десятков его картин, небольших по формату. Он очень боялся, что не доведет ценный груз. Всю дорогу не спал, зажав мешок между ног — так он меньше привлекал внимание. Ему хотелось, чтобы в столице его картины увидело как можно больше людей.

Высохший от тяжелой работы землепашца, зноя и старости, этот небольшого роста человек проявил истинное мужество и волю. Многие месяцы после нелегкого труда в поле он брал в руки кисть, как берет оружие солдат, защищая родину. Когда у него не было денег на краски, он делал их сам по древнему рецепту. Прожив всю жизнь в своем далеком кишлаке одной из северных провинций Афганистана — Самангане, он не только не знает европейской или какой-то другой живописи, он никогда нигде не учился. И никогда никаких других книг, кроме корана, не видел. Зато он знает наизусть всего Фирдоуси. Это характерно для многих совершенно неграмотных людей в Афганистане, не умею-

щих ни читать, ни писать, но любящих своих поэтов и запоминающих их стихи и поэмы на слух. Собираясь иногда в чайхане за чашкой чая, они могут часами читать друг другу вдохновенные строки.

Гератская школа миниатюры пришла из глубины веков. Ее «прошли» многие современные художники Афганистана. Разглядывая работы живописцев прошлого, выросших на его древней земле и воспевающих ее красоту и ничто более, Язигурд Куи Самангани учился у них искусству миниатюры — тонкой и четкой выписке деталей лица и фигуры человека, исполнению тончайшего орнамента, обрамляющего картину, определенной цветовой палитре.

Только он стал рисовать жизнь с натуры, не приукрашивая ее, в манере, которую принято называть примитивизмом — с несколько смещенной перспективой, наивной композицией, так, как рисуют обычно дети, которых еще никто не учил, знакомые с историей мировой живописи, не знающие имен многих известных мастеров, принадлежащих к разным школам. Он стал художником, чтобы бороться. Если бы не это обстоятельство, кто знает, может быть, так никогда и не проявился бы его удивительный талант.

Каждая его картина — ковелла, написанная чутким сердцем художника из народа, с которым умеет говорить этот талантливый самоучка,

сумевший подняться до высот большого искусства. Его работы никого не могут оставить равнодушным — так они выразительны и самобытны. Он пишет их как очевидец, рассказывает о том, что пережито и выстрадано.

Три его сына ушли служить в войска народной милиции, охраняющие страну от вылазок наемных убийц и пресекающие их террористические акции против собственного народа. Одного из сыновей убийцы из душманских банд изрезали на куски.

— Когда мои маленькие внуки, дети погибшего сына, — рассказывает Самангани, — спрашивают у меня, где их отец, я всегда отвечаю, что он работает в поле. И они ждут его. А у меня сердце обливается кровью. Предки завешали нам с уважением и почтением относиться к старикам. «Ришсафид» (белоголовый) всегда остается у нас синонимом мудрости и богатого жизненного опыта. Когда человек чихнет, мы говорим: «Пир шавид!» (Да со старьей!). Пусть же не доживут до старости эти оборотни, продавшие родину. Возраст не позволил мне встать в ряды защитников революции. И я стал ее проповедником, потому что не могу молчать. Я сразу горячо принял и поддержал народную власть, впрочем, как и все мои земляки, как весь мой народ — крестьяне, рабочие, пастухи, мелкие торговцы, — потому что она отвечает нашим интересам и нуждам, стремится

сделать нашу жизнь легче и лучше.

Многие работы Самангани поэтично рассказывают о крестьянской жизни — пахота земли на волах, подготовка ее к севу, жатва серпами, пастухи в горах с огромными отарами овец, повседневная жизнь крестьян, любимая конная спортивная игра афганцев — «бозкаши»... Но главная тема его творчества — борьба с контрреволюцией. Вот за эти картины он опасался больше всего. Композиционно он строит каждую таким образом, что злу всегда противостоит добро, врагу — негиббемый народ. Стиль миниатюры подразумевает на одном полотне конгломерат многих событий, несколько фантастическое их преломление — бой жителей кишлаков с душманами, зверства, которые творят враги: расправы с мирным населением, бандиты силой вынуждают людей отдавать им деньги, продукты, угощают скот, убивают, пытаются, грабят. И как бы «просветление» врага — целыми бандами душманы сдаются в плен, складывают оружие, протягивают руки тем, кого еще вчера они убивали, для рукопожатия и прощения. Во многих работах Самангани — ликующий народ приветствует революцию, народную власть.

— Я хочу, чтобы мои миниатюры остались для грядущих поколений как документ, — говорит художник. — Пусть пройдет время, и люди увидят, что были неспра-

ведливость, жестокость, кровопролитие. Я делаю это как патриот и гражданин. Чувство долга поддерживает меня. Справедливость должна восторжествовать. Я вижу, как люди смотрят мои картины. Мне хотелось бы, чтобы они способствовали пониманию задач революции, прозрению людей, еще не пришедших в нее, большому привлечению моих соотечественников на сторону народной власти.

Крестьянин и художник из Самангана не один. За такими, как он, весь афганский народ, все, кто искренне стремится к мирной и счастливой жизни. Таких людей, как Язигурд Куи Самангани, называют в Афганистане «устада», что значит учитель, наставник, просветитель. Им верят. За ними идут. А его согревает в борьбе поддержка простых людей, понимание ими высокого долга искусства.

После выставки, устроенной в Кабуле, народный художник из Самангана был принят в члены Союза деятелей искусств ДРА. Несколько десятков его работ куплено для постоянной экспозиции в музее и передвижных выставок, которые устраиваются по стране. Его искусство будет знать не только в его северном кишлаке. Искусство, которое обвиняет, зовет, борется.

Ада ПЕТРОВА,
корр. «Советской культуры».
КАБУЛ.